

Ольга Гороховская

Дорога В Небожинск

Ольга Гороховская

Дорога в Небожинск

<https://litres.ru/73780057>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тьма. Стук сердца в каменной стене. Реальность рассыпается на осколки.

Лёха очнулся в туннеле, где стены хранят страхи, а воздух пропитан необъяснимым. Он не помнит, как сюда попал. Не знает, куда ведёт этот путь. И не догадывается, что свет в конце — не спасение, а начало чего-то странного.

Но что, если это не конец? Что, если смерть — лишь дверь в мир, где каждое решение имеет цену?

Лёхе предстоит пройти дорогами, которых нет на картах. Встретить тех, кто давно должен был исчезнуть. Потерять всё. Найти себя. И решить, на чьей стороне сражаться.

«Дорога в Небожинск» — это роман-утешение. Книга, которая дарит надежду тем, кто потерял близких. Что они не исчезли. Что они где-то там — в мире, где свет выжигает черноту в душе. И что единственное, чем мы можем помочь им и себе, — это не совершать зла и молиться.

«Да не узрит душа его мрачного взора лукавых демонов, да примут его Ангели Твои светлии»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	45
Глава 5	56
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ольга Гороховская

Дорога в Небожинск

Глава 1

*и грехи юности и
неведения его не помяни, и даруй ему кончину
христианску, непостыдну и
мирну, и да не узрит душа
его мрачного взора лукавых демонов, да примут
его Ангели Твои светли и
пресветли, и на Страшном Суде
Твоем милостив ему буди, ибо Твое есть
единого Господа, еже миловати и
спасати нас.*

Лёха брёл наугад, нащупывая путь. Друзья звали его Лысым — прозвище, которое носил с той же гордостью, что и шрамы на костяшках. Но сейчас, в неизвестности гордость не грела. Далеко впереди брезжила искорка света, к ней он и двигался, брезгливо ощупывая склизкие стены. «Как меня сюда занесло», — хотел чертыхнуться, но сильная боль пронзила висок.

Под ногами шуршала и похрустывала галька, хотя поверхность была гладкой — он даже через подошву обуви это чувствовал. Ветер разогнал тьму и Лёха разглядел туннель с

округлым потолком; монолит отливал тусклым блеском.

Чувствуя усталость, Лысый застегнул куртку и сел на пол. И тут он заметил, что неровные стены ожили. По ним, чуть выше его головы, побежали отпечатки ладоней — десятки, сотни следов, будто в панике искали выход. Они появлялись и исчезали, оставляя едва заметное красноватое свечение.

Лёха моргнул — видение не только не пропало, но и стало ярче: в толще породы, прямо перед его лицом, проступило что-то багровое. Он подался назад, ударившись затылком о стену, но не смог отвести взгляд.

Из камня медленно выступало человеческое сердце. Оно билось — раз в секунду, тяжело и мерно, — и с каждым ударом по стенам расходились рубиновые волны. «Что за ч» — прошептал он, но тут же смолк: сердце забилося в агонии, вздрогнуло и остановилось. В наступившей тишине из темноты донёсся звук спотыкающихся шагов.

— Эй, браток! — раздался тихий, сбивчивый голос. — Спишь, что ли?

Алексей огляделся; морок рассеялся, и туннель выглядел обычным. Перед Лысым стоял парнишка. У него было разбито лицо — кровь запеклась на лбу, губы в трещинах, нос распух. В свете мерцающих красных отблесков ссадины казались чёрными.

Мгновение Лёха пытался вспомнить, откуда он его знал. В голове мелькнуло чтото знакомое — то ли взгляд, то ли линия подбородка, — но мысль ускользнула. Он выпрямился.

— Где мы? — парнишка испуганно озирался. — Тут такое творится будто кто кричит, а слов не разобрать.

— Да х — начал было Лёха, но осёкся. Сглотнув, осторожно добавил: — Сам на огонёк иду. Айда вместе?

Парень вздохнул и пошёл нога в ногу с Алексеем.

— Не пойму, как здесь оказался, — растерянно проговорил спутник.

— И я не помню. Мы с мужиками пошли пивка попить — цеплялся за воспоминания Лёха.

— А я с работы пришёл, мать в магазин послала, — перебил парень. — Вышел из супермаркета, а тут какие-то отморозки прицепились

— Отморозки, — угрюмо повторил Лысый и остановился. Прищурившись, он пристально посмотрел на парня. Тот ответил прямым, честным взглядом. «С этим поцом связано чтото важное», — подумал Лёха, проводя ладонью по лысине.

Точка света расширилась, превратилась в пятно.

— Привязались без причины, пьяные, наверное, были. — Он вдруг улыбнулся: — Меня, кстати, Антоном зовут.

— Антон-ган — Лёха не успел договорить из-за спазма. Он даже вскрикнул от неожиданности.

— Ты чего?

— Какаято ерунда творится, — подбирая слова, произнёс Лёха. — Ругаться не могу.

— Смотри, кажется, за нами ползёт туман.

— В каком смысле?

— В прямом. Когда я к тебе подходил, он был далеко. Потом замер. А сейчас опять движется.

Лысый медленно, боясь повернуться всем телом, посмотрел через плечо. В сотне метров от них клубился аспидный туман. На мгновение ему даже показалось, будто тот дышит — так мерно поднималась и опускалась лёгкая масса.

Переглянувшись и не сговариваясь, они побежали. Но сколько бы шагов ни делали — свет оставался на том же расстоянии, будто пространство растягивалось под ногами. Антон, тяжело дыша, схватился за бок. Лёха вздрогнул: зыбкое марево замерло в шаге от них.

— Да ну нафиг?! — вырвалось у него.

Лысый нащупал камень и швырнул его в черноту. Тот, описав дугу, ударился о стену и ухнул вниз. Антон на мгновение замер перед туманом. Лёха видел, как напряглись его плечи. Но затем Антон резко выдохнул и сделал шаг в черноту.

— Так я и думал: дышится легко! — крикнул он изнутри наигранно-веселым голосом. — Вероятно, конденсат.

Дождаясь попутчика, Лысый смотрел на сгусток, который уже не просто полз, а ощупывал пространство: его клубы вытягивались отростками, будто что-то выискивая.

— Антон, выходи, быстро!

Туман собрался в сферу: в ней проступили очертания лица — пустые глазницы, провал рта, контур скул.

— Ты кто? — прошептал Лысый.

Из дымки донёлся многоголосый шёпот: «Мы — эхо несказанных слов, тяжесть вины и страх без ответа».

Лицо медленно растворилось. Антон вышел из мглы, удивлённо озираясь. По его лицу Лёха понял, что тот ничего не видел и не слышал. Просто зашёл в туман и вышел.

— Ты чего такой бледный? Испугался?

— Пойдем, мне здесь категорически не нравится.

Антон пожал плечами, но послушался.

— А ты откуда? — спросил Лёха, отгоняя тревожное чувство.

— Тутошний я.

— В туннеле что ли живёшь?

— Почему в туннеле? Саратовский, — как будто обиделся Антон.

— А, в этом смысле! — обернувшись, Лысый убедился, что путь позади чист. — Я недавно в Саратов из Казахстана перебрался.

— Здорово я где-то приложился, — сказал парнишка, разглядывая свои разбитые руки.

Его спокойствие понемногу передавалось и Лёхе. Невдалеке журчала вода, и запахло плесенью. «Трубы канализационные», — решил, приободряясь Лысый.

— Какойто странный туннель. На метрошный похож, я московскую подземку видал, но ни рельс, ни проводов

— Откуда в Саратове метро? — усмехнулся Антон. —

Может, над нами трасса проходит?

— Точно! Где торговый центр строят, там ещё клубешник зачётный. Видать, мы с мужиками нае — Лёха поморщился от прострела в висок. — Выпили и поехали к бабам — Заменяв ругательство на приличное слово, остался собой доволен. — А там, видать, облава, вот я и побежал. Не дрейфь, Антоха, я понял, где мы, сейчас к заводу напрямки выйдем.

Пятно света горело на одной тональности, но, несмотря на быстрый шаг, они приближались к нему чрезвычайно медленно.

— Ты в армии служил? — вдруг спросил Лысый.

— Нет, — шмыгнул носом Антон. — Я в консерватории учусь, музыкант. Пока в институте — отсрочка, дальше видно будет. Таким, как я, в армии делать нечего. Считаю, что каждый своим делом должен заниматься. Я — пацифист, да и мама у меня болеет. Родственников нет, оставить не с кем.

— И я не служил, — признался Лёха и оторопел. Обычно он всем рассказывал, что прошёл «горячую точку», правда, не уточнял какую, хвастался, что был снайпером, награждён орденом Мужества и уволен по ранению. Ему верили, и за эти мнимые заслуги уважали. — Хотя мечтал, — добавил печально. — Но у меня в детстве была ин-кон-ти-ненция.

— А что это?

— Неконтролируемое мочеиспускание, — снова неожиданно для себя признался Лёха.

— Сочувствую, — участливо протянул Антон и, повер-

нувшись вполоборота, удивлённо посмотрел на остановившегося Лысого.

«Сочувствую сочувствую», — эхом отозвалось в голове Лёхи. В интонации Антона было то самое чувство, которого он ждал от окружающих. Ему вдруг стало жаль себя.

Отец ушёл из семьи, когда Лёхе было пять лет. Он помнил, как хватал отца за руку, со слезами умолял остаться, а тот, швыряя в сумку вещи, холодно отвечал: «Уйди от меня, урод!» И долгие годы, напиваясь, мать винила в разводе Лёшу. Он просил прощения, а потом, пряча голову под подушку, рыдал. Но мать отказывала в любви и, зверея, скатывалась в алкоголизм.

— Послушай, в этом нет твоей вины. Уверен, из-за болезни тебе многое пришлось пережить. А у меня мама больная. Она упала, повредила позвоночник и уже несколько лет лежащая. — Антон отрешённо смотрел в стену. — Несколько лет назад я выиграл музыкальный конкурс, и мне предложили контракт. Весь мир был передо мною открыт! Но мама болела, и я не мог её оставить. Знаешь, столько раз хотел, чтобы она умерла — произнёс глухим, как из бочки, голосом.

— Ты ей желал смерти? — ужаснулся Лёха.

— Ага, — глядя прямо перед собой, Антон пошёл вперёд. — И так себя за это ненавидел! — Он неестественно рассмеялся. — Но мысль неотступная, въедливая: «Хоть бы она умерла, хоть бы умерла» — день и ночь мозг выедала!

— Да, чувак, тебе не позавидуешь, — протянул Лысый.

С этого момента свет стал приближаться. Они шли в том же ритме, но будто в десять раз быстрее. Молчали.

Лысый вспомнил, как они со Штырём и Косым зашли в магазин. За кассой сидела молодая и очень красивая черноглазая девушка. Она приветливо улыбнулась Лысому, тот отпустил шутку, она засмеялась. И вдруг кто-то из очереди недовольным голосом сказал: «Молодые люди, можно побыстрее?» Глаза кассирши потухли, Лёха это сразу заметил. Уже без улыбки она провела платёж и обернулась к следующему покупателю.

Того хмыря Лёха решил дождаться у магазина. Он что-то отвечал — Лысый не помнил, что именно, — но что-то обидное. Зато чётко вспомнил, как замахнулся и как по земле покатился батон хлеба

Внезапно и сильно по глазам ударил свет. От неожиданности Лёха зажмурился.

— Из Ф-4 двое, — раздался мужской голос.

Лысый потёр слезящиеся глаза, а когда мутная пелена спала, увидел сидящего за письменным столом офицера в камуфляжной форме. Низко склонившись, тот что-то писал в толстом потрёпанном журнале. Лёху в спину легонько подтолкнул солдат. Лысый раздражённо дёрнул плечом, сделал шаг и, остановившись у стола, огляделся.

Туннель выходил из горы — она теперь грозной массой возвышалась за их спинами. С правой стороны, там, где го-

ра заканчивалась, темнела рощица. Лёха оглядел площадку: грубо сколоченные скамейки, груда брёвен, след от костра. Плотнo утоптанная тропа бежала вдоль края площадки и падала с горы — туда, куда взглядом Лёха дотянуться не мог.

Офицер закончил писать и посмотрел на Алексея. У него было гордое лицо с орлиным профилем. Прищуриw зелёные глаза, отчего обветренные щёки покраснели ещё больше, он смотрел цепко и с насмешкой.

— Никоноров Алексей Геннадьевич, сорок два года, уроженец Павлодара. Безработный, не судим, холост, детей нет. Всё верно? — зачитал написанное.

— Так точно! — по-военному ответил Лёха, стараясь соответствовать обстановке.

— Как в Ф-4 попали?

— Куда? — нахмуриwшись, переспросил Лысый.

— Чего дурака валяешь? — вмешался солдат. — Тебя про туннель спрашивают.

— Остынь, Славик, — устало бросил офицер и, посмотрев на Лёху, спросил: — Ну?

— Ей-богу, не помню. Мы с мужиками в магазин пошли, там драка приключилась, — затараторил Лёха. — Мы на военный объект попали, да? Извините, пожалуйста, мужики, — совсем по-детски закончил речь.

— Так уж и простить? — улыбнулся офицер, потирая кончик носа.

— Во чешет! — усмехнулся солдат.

— Почему вы не верите человеку? — встрял в разговор Антон. — Я, например, тоже не помню.

Офицер его выслушал, затем уточнил:

— Замятин Антон Владимирович, двадцать три года, холост, детей нет, студент, музыкант. Проживал с матерью, уроженец Саратова.

— А почему в прошедшем времени? — бледно спросил Антон.

Лёха, глядя на него, прищурился — точь-в-точь как это делал офицер.

— То есть?

— Он сказал «проживал», понимаешь? Либо это ошибка, либо намекает, что к матери я не вернусь. Нас осудят за то, что мы прошли по туннелю?

— Ведите, — офицер указал в сторону. — Врата покажут, кто вы на самом деле.

Пройдя к краю площадки, Лёха остановился. Падая с обрыва, тропинка вела к стеклянным двустворчатым воротам высотой в три метра. Лысый осторожно спустился и, остановившись перед ними, долго вглядывался, пытаясь осмыслить увиденное.

В структуре стекла росло дерево с разноцветными листьями. Он видел сквозь прозрачную поверхность живую крону, на которой, перламутром играя, искрился свет. И вдруг услышал: шумит дерево — закачались ветви, вершина. А вдалеке будто свистит волынка, плачет жалейка, тимпаны

древесные разбиваются.

— Всех это поражает! — крикнул ему в спину офицер.

Лёха сощурился, будто пелену с себя снимая. Вернулся на площадку и ровным взглядом — наваждение исчезло — посмотрел на стоящие вдалеке высотки.

— Вы пройдёте через изумрудные ворота, — сказал офицер Антону. — Распределяетесь в частный сектор.

— Они тоже необычные? — спросил Лёха.

— Стекланные — они как будто живые. А изумрудные — из обычного драгоценного камня, хотя и красивые. — Он хотел ещё что-то сказать, но передумал и, вновь обратившись к Антону, добавил: — Не покидайте дом, пока не прибудет инспектор: он выдаст инструкции.

— Инспектор? — запинаясь, переспросил Антон.

— Ты глухой? — невежливо поинтересовался солдат.

— Нет, я всё слышу! — истерично крикнул Антон. — Но я не понимаю, по какому праву вы со мной так разговариваете?

— Тох, заткнись! — процедил Лёха. — Не провоцируй людей на агрессию.

Солдат засмеялся. Антон облизал губы, шумно вздохнул, уже открыл рот, чтобы возразить и вдруг передумал.

— А если мы хотим идти вместе? — как можно приветливее улыбнулся офицеру Лёха.

— Да! — подтвердил Антон. — Хотим вместе. И вообще, молодые люди, куда мы попали?

— Это ж надо как сдружились: убийца и жертва! — криво усмехнулся солдат.

— Какая ещё жертва? — с расстановкой спросил Лёха. И в то же мгновение, повернувшись к Антону, Лысый вспомнил: его попутчик и есть тот самый хмырь из магазина.

— А что значит — убийца? — недоумённо спросил Антон.

— Ребятки, вы ещё не поняли, что умерли? — офицер, скрестив руки на груди, откинулся на спинку стула. Глаза его возбуждённо блестели, он наслаждался эффектом. — Добро пожаловать на тот свет! — воскликнул, раскинув руки в стороны.

— Да не, ну это разводилово! — на лице Лысого застыла глупая улыбка.

В воздухе дрогнуло, и на площадке проявились две фигуры. Не вышли, не возникли — просто оказались там, будто всегда стояли на этом месте, а их не замечали. Их одеяния напоминали плащи, но были длиннее — до самой земли, из чёрно-красного атласа. Лица, спрятанные в капюшонах, нельзя было разглядеть — там была пустота. Фигуры не шли, а плыли по воздуху. Одна скользнула к Антону, другая — к Лёхе. Остановившись, они скрестили рукава на животе и замерли.

Офицер, щёлкнув языком, приказал:

— Замятина в Комендатуру, Никонорова в Канцелярию. Лёха посмотрел на Антона. Тот стоял, низко опустив го-

лову, и что-то шептал.

— Эй, ну хорош прикалываться! — воскликнул Лысый, но фигура рукавом указала на ворота. — Слушай, чувак, если они правы и мы умерли, прости меня. Я прожил тупую жизнь, а напоследок и тебя лишил

Антон смотрел на него с отчаянием. Подбородок мелко дрожал, было видно — ещё мгновение, и он заплачет.

— И ты меня, — тяжело сглотнув, едва выговорил. — Может, я спровоцировал

Он повернулся и пошёл по тропе в сопровождении фигуры. Довольно быстро Лёха потерял его из вида — Антон растворился в белом плотном свете.

— А что со мной будет? — спросил у офицера.

Тот не ответил, отмахнулся, продолжая писать в журнале.

Лёха спустился по тропинке. Шагнув в ворота, он почувствовал, как его обдало холодным воздухом; ветер прошёл сквозь него. Головная боль растворилась в прохладной волне. Приветствуя его, дерево в стекле зашелестело. Звуки музыки — то ли волынки, то ли жалейки — стали громче.

Мир изменился. Вместо горы и площадки — широкая аллея, вымощенная голубыми плитами. По обеим сторонам росли деревья с серебристой листвой, их ветви переплетались над головой, образуя арку. В воздухе витал запах лаванды и чего-то ещё, неуловимо напоминавшего о детстве.

Глава 2

Это было странное по всем параметрам место. Меж изумрудных полей, отливающих шёлковой гладью, вилась широкая дорога, припорошенная пылью. Слева поле волной перетекало в деревушку — домики с резными наличниками, плетни, алые шиповники у заборов. Справа оно обрывалось у посадки, за которой возвышался город.

Впереди рос прозрачный берёзовый лес. Правда, Лёха хватил взглядом и другое: за берёзами темнели вершины сосен и елей. «Смешанный», — подумал Лысый, прикидывая, в каком месте Саратовской области мог такое видеть. «Не может быть правдой, что я умер. Ну подумаешь, ворота необычные забубенили или эти фигуры Ха, да в век технологий и не такое придумать можно! Мы наверняка на секретной военной базе», — решил Лёха.

Он плёлся по дороге, едва поспевая за фигурой, хранившей ледяное молчание, и перебирал воспоминания из детства, как старые фотографии.

За окном висела дышащая холодом чёрная ночь. Замёрзшие стёкла сверкали разноцветными искорками. Лёше хотелось собрать их в ладошку и бросить в чашку с горячим молоком, которую принесла бабушка.

На деревянном, выскобленном добела столе стоял чёрно-белый, в простой рамке, фотографический снимок стари-

ка. Стоя на скамье у окна, трёхлетний Лёша боялся повернуться к портрету лицом — боялся встретить сухой взгляд деда и потому тыкал пальчиком в искорки, согревая их дыханием.

Перед портретом, перевязанным лентой, погребально горела восковая свеча. Рядом стояла рюмка с водкой, накрытая ломтём хлеба. Не выдержав, Лёша повернулся — и тут же наткнулся на строгий взгляд деда, за спиной которого зияла мгла, неумолимо рвущаяся в освещённое пространство. И чем дольше он смотрел в эту тьму, тем больше казалось, что она его проглотит. Он сидел с застывшим взглядом, пока не раздался ласковый голос тётки:

— Ничего не бойся, Лёшенька. Скоро папа приедет и заберёт тебя. За окном воют не волки, а ветер.

Тётка взяла его на руки, и Лёша вновь разыскал глаза деда. Он не посмел сказать ей, что страшится не метели, а своего отца.

Там, в деревне, у него было много друзей — все сплошь голубоглазые, светловолосые девочки и мальчики. Они носились по искрящимся золотом после дождя лужам, разбрасывая ослепительные брызги, бегали в поля за радугой, ловили солнечных зайчиков. И покуда был жив дед, Лёша часто слышал, что он — «невинный ангел». Что значило это слово, он не знал, но оно отзывалось в груди с трепетом, будто там жила птаха.

Ему казалось, что так будет всегда. Что дед, пряча улыбку

в бороде, будет снимать его со старой яблони и качать на руках, пока не заснёт. Что вся жизнь его пройдёт в ласковом безмолвии и что, когда придёт его время уходить в небытие, он умрёт от счастья

Город высотками начался не сразу. То тут, то там стояли домики — богато прибранные, с узорной резьбой, птичками из разукрашенной жести, кустами смородины и малины. Они разбегались вдоль дороги да врезались зыбким плёсом в застроенные многоэтажными домами районы. Вполне обычные высотки, таких Лёха видел много. Попадались административные здания, предприятия, заводы — всё так плотно переплеталось, будто одно выросло из другого.

Фигура скользила по тротуару, давая Алексею возможность осмотреться.

— Ну и как это всё может быть тем светом? — недоверчиво спросил Лёха.

Проходя мимо панельного дома, он заметил движение и замер. Стены, будто сотканые из газа, не скрывали, а пропускали взгляд. Лёха видел всё, что происходило внутри: люди передвигались по комнатам, жили обычной жизнью. В одной квартире он разглядел кухню: за столом сидели дети, совсем малыши, а женщина у плиты помешивала суп, тихонечко напевая.

Фигура взмахом рукава велела следовать дальше.

— Подожди! — попросил её Лёха. — Ну вот — обычный дом, люди есть собираются — сказал, даже не задумавшись

над необычностью увиденного.

Пройдя перекрёсток, они обогнули ампирного цвета здание с маленькими зарешёченными окнами. И только тогда, разглядывая сад, Алексей осознал: в этой местности нет теней. Их не отбрасывали ни деревья, ни предметы. Вместо привычного неба в вышине висело похожее на целлофан вазильковое полотно. В его глубине клубился и переливался молочный, местами золотистый свет — но он не проникал сквозь плотную преграду.

Они вышли на проспект. Прямо перед Лёхой в воздухе висело многоэтажное здание — квадратное со всех сторон, с узким шпилем на крыше. Многочисленные окна сверкали перламутром, а к двери вели ступени лестницы, парившей в воздухе.

И тут Лёха испугался. «Военные, конечно, ещё те мастаки, но такое придумать?» — нелепо улыбаясь, он, подгоняемый фигурой, пошёл к огромному, этажей в сорок, продолговатому зданию с двумя башнями из бежевого кирпича.

Вокруг Канцелярии раскинулся фруктовый сад: в глубине прятались ажурные беседки, стояли качели и несколько скамеек. Открыв калитку, фигура влетела во двор, подплыла к красным дверям. В глубине здания раздался звонок, и фигура замерла. Разглядывая ступени, Лысый медленно по ним поднимался.

Дверь открылась. На пороге, глядя в Лёху, замер долговязый мужик. Лицо у него было простое, с грубыми и

мясистыми чертами.

— Проходи, — пробасил он и, кивнув фигуре, что-то буркнул.

Пропустив Лысого, он запер дверь изнутри и, миновав холл, пошёл длинным коридором с многочисленными дверями. Лёха шёл за ним, вертя головой, стараясь разглядеть детали. Но здесь всё было как в обычном государственном учреждении: скрипучие деревянные полы, тусклый свет под потолком и давящая на уши тишина.

— Что это за здание? — попытался заговорить Лёха.

— Молчать! — приказал долговязый.

Загремев ключами, он открыл дверь с табличкой «Жилая 301».

Лёха вошёл и остановился у порога. Комната была простая, выкрашенная в синий цвет, с узким оконцем под потолком, железной кроватью и письменным столом. Подтолкнув его вперёд, долговязый вышел в коридор и закрыл дверь на ключ.

— Эй! — Лёха дёрнул ручку и, поняв, что это бесполезно, сел на кровать.

Он не знал, сколько времени так просидел. За окном, ничуть не изменяясь, брезжил ровный свет — будто на паузу поставили ход дня. Едва уловимый шум доносился издалека — Лёха вслушивался, пытаясь разобрать: то ли это машины едут, то ли кровь шумит в ушах. От нечего делать Лысый принялся мерить комнату шагами.

«И чего я к нему прицепился?» — думал про Антона. «Просто девка понравилась, а бабы на меня всегда обращали мало внимания. Хотел выместить злость, словно ударом что-то можно изменить» Он горько усмехнулся: «Кто же знал, что это будет последним действием в жизни»

В коридоре трижды прозвонил колокольчик. Дверь открылась, и в комнату вошла молодая, светловолосая женщина в синем, наглухо застёгнутом на все пуговицы костюме.

— Здравствуйте! — сказала она твёрдым голосом и, пригласив к столу, раскрыла принесённую папку. Разложила перед собой чистые листы бумаги, ручку — всё с какой-то механической точностью. — Располагайтесь. Ваше имя?

Лицо её было красивым, даже слишком, чтобы быть настоящим. Словно выточенное из мрамора: маленький нос, пухлые вишнёвые губки, ямочки на щеках, со светлыми, но холодными глазами. «Гордая барышня», — подумал, разглядывая.

— Алексей Скажите, где я нахожусь? — склонившись над столом, спросил скороговоркой.

— Вам разве не сообщили? — ровным голосом спросила женщина.

— Да бред сказали, будто умер — губы Лёхи растянулись в жалкую улыбку.

— Всё так и есть. По земному времени — час назад.

— Ну хорошо, хорошо, допустим. Но как это произошло?

— Вы затеяли драку возле магазина, — женщина что-то

быстро писала, не поднимая глаз. — Тот, кого хотели избить, вас оттолкнул. Вы ударились головой о штакетину. Всё.

— То есть меня Антон убил?

— Мгм, — подтвердила женщина, не меняя интонации.
— А что так удивляет?

— Ну просто он хороший парень. И я когда шёл, думал, что — Лёха запнулся и замолчал.

— Хороший парень? — переспросила женщина, что-то вновь записывая. — Он умер от разрыва сердца. Вы нанесли ему травму, а ваша смерть ситуацию усугубила. Его пытались спасти — прохожие вызвали скорую. В момент, когда вы уже шли по туннелю, совершая переход из временного мира в вечный, Антон был в коме. Затем он вас догнал.

Лёха смотрел на свои руки — большие, грубые, с обломанными ногтями. В памяти всплыло: как он замахнулся, как по земле покатился батон хлеба

— Так вот почему я увидел в стене сердце Оно остановилось, и в туннеле появился Антон Что теперь? И вообще будет ли что-то?

— Вы спрашиваете: есть ли загробная жизнь? — она улыбнулась.

— Типа того, — Лёха повертел головой. Куда бы ни падал его взгляд — всюду натёкался на вполне обычные вещи: деревянный стол, железную кровать с прогибающейся сеткой и тонким матрасом. Что-то общее между монашеской кельей, как её представлял Лысый, и тюремной камерой.

— Вы же существуете. Ничего, привыкнете. Все привыкают. С какого возраста себя помните?

— С раннего По крайней мере, есть воспоминания задолго до того, как отец нас с матерью бросил.

Женщина, удовлетворившись ответом, кивнула.

— Где мы находимся? Что со мной будет? Кто вы такая? И почему из туннеля нас встречал офицер, а не Архангел?

— Вы находитесь в здании Канцелярии, здесь и будете пребывать до времени. Я — помощник следователя.

— Следователя? — воскликнул Лёха. — Но вы же сказали, я не убивал!

— Я — помощник следователя, — ровным голосом повторила женщина. — Меня зовут Елена Николаевна. Я собираю анамнез вашей жизни. Когда всё будет готово, передадим дело в суд первой инстанции. С его решением вы передвинетесь на следующий уровень, где Верховный суд и определит дальнейшую участь.

— Я правильно понимаю, что Верховный и Страшный суд — одно и то же?

— Верно, — ласково сказала женщина.

— Со Страшным судом всё понятно, а кто судит на первой инстанции?

— Не торопитесь, — чуть улыбнулась она. — Сами увидите. Я оставлю бумагу и ручку. Что посчитаете нужным сказать суду — запишите.

— Что именно? — Лёха откинулся на спинку стула, крест-

накрест обняв плечи руками.

— То, что присяжными засчитается в оправдание, — женщина встала.

— А как же город и всё, что окружает? — крикнул Алексей ей в спину.

Елена на мгновение замерла, но не обернулась. Дверь закрылась.

Когда дверь закрылась, на Лёху напало оцепенение. Он задрал голову, смотрел в маленькое оконце — единственный источник света. «Что-то, по мнению здешних, я должен писать Каяться? Но я никогда этого не делал».

— Эй, парень!

Лёха огляделся, не понимая, откуда идёт звук.

— Не туда смотришь, направо, — захихикал старческий мужской голос. — Как тебя зовут? Меня дедом Егором, — собеседник закашлялся, и звук этот, сухой и трескучий, отозвался эхом.

— Слушай, дед, а где мы? — глядя в упор в стену, с которой говорил, спросил Лёха.

— Как это где? — удивился дед. — Умерли, тебе разве не сказали?

— Сказали, — Лёха со вздохом сел на кровать.

— Так ты ещё не привык? — хрипло засмеялся дед. Помолчав, добавил: — Я быстро адаптировался.

— Давно здесь? — Лёха лёг на кровать, заложив руку за голову. Глаза его бесцельно блуждали по белому потолку.

— Как сказать? — под дедом скрипнул стул. — Здесь времени нет, сам понимаешь. Ты сколько прожил?

— Сорок два, — Лёха причмокнул губами. — А вы?

— За сто! — хвастливо сказал дед. — Поэтому так долго и собирают дела. Наследил на земле, наследил — И вдруг изменившимся голосом добавил: — Это по молодости ни во что не верил, думал: помру — и нет ничего. А к старости понял, что всё не так просто. Для высокоорганизованного ума смерть есть лишь иная форма существования. О, как загнул! — заливисто захохотал.

Лёха молчал долго и упорно. В голове крутились обрывки воспоминаний: детство, драка у магазина, Антон с разбитой головой

— Последнего правнука успел женить — и закончился дед Егор.

— Правнука? — восторженно вскрикнул Лёха, чуть приподнял голову. — И много их?

— Я богатый! — вновь засмеялся дед. — Детей — тринадцать, внуков — двадцать девять, правнуков — он замолчал, подсчитывая, — двадцать, но, думаю, ещё нарожают. Жизнь в последние годы то помягче стала.

Лысый глядел на светлое пятно, кинувшееся на дверь из оконца. Думал о том, что толком не жил, прошёл жизнь боком, боясь зашибить других и боясь ушибиться самому. Ни семьи не создал, ни детей не родил.

— А тут, можно сказать, повезло, — мерным, словно ру-

чей прыгает по камешкам, голосом рассказывал дед. — Бабушка в провинции померла. Так и переехали мы в эту суконную дыру. Дом достался безалаберный и огромный — на восемнадцать окон. Комнаты заставлены чем попало, бедной и скучной мелочёвкой. Вот я и принялся столярничать, всё своими руками переделал. Сперва шкафы, потом — двери, рамы. Даже качели во дворе смастерил.

Лёха встал с кровати, подергал дверь — она была заперта, затем обошёл вокруг стола. Всё это время дед Егор продолжал рассказывать историю своей жизни — неторопливо, с подробностями, будто заново проживал каждый год. Алексей взял со стола лист бумаги, повертел в руках, сел на стул, обхватив голову руками.

Лёха был крутоват — в отца, но здесь, в этом мире, вся его грузность куда-то ушла, уступив место худобе. Щёки обвисли смешно и жалко. Росту был выше среднего, особых примет не имел, всем своим видом напоминая дикого медведя.

— Да не переживай ты так, — вдруг сказал дед.

Лёха поднял глаза, уставился немигающим взглядом в стену.

— Вы что, видите меня?

— Конечно! — дед закашлялся, но тут же продолжил бодрее. — И ты присмотришься, хотя обожди. Если недавно умер, то, может, ещё не научился. Тут у всех по-разному выходит. Кто сразу видит, кто через неделю, а кто и вовсе не может.

— Но я видел, видел! — поспешно сказал Лёха. — Когда

сюда вели, сквозь стены видел — Он вдруг перебил сам себя и спросил о фигуре: — Это не люди, да?

— Сложно сказать, ибо в балахоне пустота. Мы их называем провожатыми. Они как бы и есть, и нет.

— Мы? — переспросил Лёха.

Ответить дед не успел. Дверь открылась, и на пороге оставилась чуть сутуловатая женщина с косматой гривой волос.

— Ляксей? — выговорила с эстонским акцентом. — На выход!

Одним прыжком, размахивая руками, Лёха подскочил к женщине. Проводив его недоуменным взглядом, женщина запахнула на себе потуже старенький плащ.

— Здравствуй, Мариечка! — поздоровался дед.

— Здравствуйте, Егор Матвеевич, — сильно растягивая слова, ответила женщина. — За вами скоро Надежда придёт.

— Уж простите стариковское любопытство, а этого куда?

— Решено пока фертотом определить — гора его сама выбрала. — Она кивнула Алексею головой. — Идёмте!

Лёха постарался во мгле коридора что-нибудь разглядеть, но тут лишь вдалеке мелькали фигуры в балахонах, да из комнаты в комнату сновали люди — кто с папками, кто с кипами бумаг, кто просто шёл, опустив голову. Длинный лестничный проём из холла шахтой уходил наверх, теряясь в полумраке.

— А там что? — указал Лёха на лестницу.

— Отдел Канцелярии, — замешкавшись, ответила женщина. — Туда поступают прошения с земли.

— В смысле просьбы? — переспросил Лёха.

— Да-да, и не только, — согласилась та. — Молитвы, покаяния, даже проклятия — всё доходит. Каждое слово, каждая мысль находит здесь отражение.

— То есть люди там, внизу, сейчас молятся, а вы тут это обрабатываете?

— В каком-то смысле, — улыбнулась женщина. — Но не решаем. Мы лишь собираем, фиксируем, передаём дальше.

Они свернули в боковой коридор. Стены здесь были увешаны таблицами — не то расписаниями, не то списками имён. В воздухе витал запах старой бумаги.

— А что такое «ферт»?

— Тот, кто встречает новобранцев.

— То есть я теперь работник загробного мира? — Лысый усмехнулся.

— Вольнонаёмный, — кивнула женщина. — Пока не придёт ваш черёд предстать перед Судом первой инстанции. Учитесь видеть, слушать и чувствовать. Здесь всё иначе, чем на земле.

Глава 3

Быстрым шагом они пересекли улицу и вышли за пределы города. Лёха едва поспевал за Марийкой.

— Привыкайте ходить этой дорогой — от великой горы к городу, — бросила на ходу Марийка. — Так намного ближе.

Они двинулись через лес по извилистой, крепко утоптанной тропе. Деревья шумели, словно их раскачивал ветер, а где-то вдали выбивал морзянку дятел.

— А почему гора великая? — спросил Лёха, взбираясь на холм.

Оттуда открылся вид на круглое, словно яблоко, бирюзовое озеро. В его центре вода собиралась в микровихрь, над которым летали ивовые листья, похожие на бабочек: одни планировали, другие крутились в спиральях, третьи ныряли в воду.

Марийка встала рядом с Лёхой, замерла, глядя на водоём.

— Гора — своего рода портал. В ней десятки туннелей, по которым из мира живых приходят души. И она сама выбирает фертов.

— Как это возможно? — Лёха искоса посмотрел на женщину.

— В Канцелярии есть книга, в которой записи меняются сами собой. Ваше имя появилось на страницах. Комиссия, конечно, сильно удивилась, у нас нет данных о ваших заслу-

гах; но спорить не стала. Кто знает по каким критериям вас выбрали. Нравится? — указала на озеро.

— Очень. Я только сейчас понял, что за всю жизнь ни разу не был в лесу вот так — просто послушать, как шумят деревья, как пахнет земля. Кстати, а почему не видно зверюшек?

— Здесь нет животных, — отозвалась Марийка и легко сбежала с земляного горба.

— Как нет? Но я только что слышал дятла! — Лёха бросился за ней, на ходу указывая рукой в сторону.

— Это звук адресован вам. Постепенно вы поймёте, как в Небожинске всё устроено. Здесь земные законы не работают, — улыбнулась женщина.

Лес расступился, и перед ними раскинулось поле, расчёрненное широкой, жёлтой тропой. Вдали синела гора, с вершины которой стекал белый свет — густой, похожий на пар. Он рекой стекал в двуединый овраг, а оттуда расплзался по округе, окутывая всё вокруг мягким сиянием.

— Боже, какая красота! — вырвалось у Лёхи. — И куда же девается свет?

— Никуда, мы в нём находимся. Глаза привыкают к нему, как лёгкие — к воздуху на земле, — Марийка вдруг обежала по тропе и, оттолкнувшись от земли, на несколько мгновений взлетела.

— Но как?! — Алексей замер с открытым ртом, глядя на её импровизированный полёт.

— Проверяю, не пришла ли пора уходить, — рассмеялась

Марийка.

— И что?

— Думаю, скоро вызовут на суд, — она остановилась напротив Лёши. — Ты жалеешь, что не был в лесу, прислушиваешься, выдумываешь звуки — а это значит, что не осознал смерть. А мне уже ничего не важно, жизнь осталась позади. Пойдём!

Они подошли к стеклянным воротам. Створки сами собой распахнулись, и Лёха переступил порог, ожидая, что сквозь него снова пронесётся ветер. На этот раз ничего не было: ни звуков жалейки, ни шелеста листьев. Поднимаясь на гору, Лёха отметил про себя, что свет, вопреки его ожиданиям, не режет глаза.

У входа в туннель за столом сидел офицер в камуфляжной форме. Лёха присмотрелся: нет, не тот, с которым встречался. Этот выглядел проще — худощавый, с припухшими веками, он несмело сидел на краю табуретки.

— Сергейко, — мягко позвала Мария, — я вам ферта привела.

Офицер выпрямился, бегло оглядел Лёху, кивком поблагодарил женщину. Когда та ушла, спросил:

— Новичок? Ну, значит, иди до конца пещеры. Увидишь людей — веди их сюда.

— А зачем?

— Разве вас не встречали? — внезапно перешёл на «вы».

— Нет, был попутчик, который, как оказалось, меня же

и убил.

— Ясенько. Значит, вы из Ф-4 выходили. Там туннель — длинная кишка, а в этом, — ткнул себе за спину, — ответвления всякие, тупики есть. Новопреставленные могут заблудиться.

Только теперь, оглядевшись, Лёха понял: это другая площадка, хотя и сильно похожая на первую. Здесь тоже стояли скамейки, на которых сидели люди. На земле лежали брёвна, возле которых горел костёр. Тропинка, перерезавшая площадку, вела в три стороны: вверх по горе, к деревне и к городу.

— А как же я дорогу найду? — чуть улыбнулся Лёха.

— Туннель вести будет. Как войдёте, почувствуете притяжение, будто ветром обдувает. Помните, как при жизни было? Если свернёте не туда, станет зябко. Да вы не бойтесь: это мирный туннель, здесь чёрных сущностей практически не бывает. — Он почему-то пристально посмотрел на пожилую пару, сидящую на скамейке.

— Кого? — с настороженностью спросил Лёха.

— Тех, кто до Суда пытается утащить душу. Мы ведь против них блокпосты держим, — офицер указал рукой на стол.

И тут Лёха разглядел людей, одетых так же, как и офицер. Они стояли группкой чуть поодаль, с распухшими глазами от солончатого тумана, выползающего из пещеры.

— Они что, нападают?

— Ну уж точно не с букетом цветов встречают, — ух-

мыльнулся офицер. — У каждого туннеля своя специфика. В Бездне Отчаяния, или на Тропе Скорпионов орудуют самые мощные, поэтому мы туда по одному не ходим. А по мирным они и не шастают, здесь для них добычи нет.

— А не бойтесь, что я назад не вернусь? Ну, если души как-то в туннель попадают, значит — в голове Лысого родилась идея.

— Вход на землю в другой стороне, — сказал Сергийко и тут же прикусил язык, поняв, что сболтнул лишнее.

Глаза Лёхи заблестели.

— Забудь! Без особого, — он ткнул указательным пальцем в небо, — разрешения даже и не подойдёшь ко входу, а уж выйти тем более не сможешь.

Только Лысый собрался обдумать его слова, как к нему подошёл солдатик с приятным лицом. С ходу он начал объяснять, как действовать, если сущности всё же решат напасть:

— Ты главное — не бойся и с бесами не разговаривай. Некоторые на вид могут быть страшными, но мы же к участку прикрепленные, поэтому под покровом находимся.

— К какому участку? — нахмурился Лысый.

— К этому. Сотрудникам Канцелярии бесы большого вреда вряд ли принесут. Ты ведь в Канцелярии оформился?

— Нет, — протянул Лёха и пояснил, как было дело.

— Ясно, значит, тебя в штат не взяли. Может, пока, а может, и вообще не возьмут, — солдатик загадочно улыбнулся

и подал камуфлированную, как у него самого, одежду. Пока Лысый надевал штаны поверх своих старых, тот продолжал говорить:

— Задача тёмных сущностей — смутить душу, чтобы к Суду первой инстанции мы явились в растерянности, позабыв даже собственное имя, не говоря уже о прожитой жизни. Потому могут утащить, дабы внушить всякое беснование.

— А зачем им это? — Лёха повернулся к солдату спиной, подождал, пока тот поможет подтяжки застегнуть.

— Странный ты, честное слово. Ну или глупый, — смущённо засмеялся тот. — Чтобы лишиться возможности защититься перед присяжными.

— Можно подумать, от меня что-то будет зависеть, — еле слышно пробурчал Лысый.

— Твоя жизнь, тебе и отстаивать.

— То есть будут судить по тому, что я сам о себе расскажу? — искренне удивился Лёха.

— Держи карман шире! — посоветовал солдат. — Обмануть никого нельзя, но, насколько поговаривают, присяжные за каждую мелочь спрашивают. А уж как на Высшем Суде дело обстоит, не известно. Оттуда никто не приходил.

Лёха застегнул куртку, осмотрел себя и сказал:

— Вот и на земле также говорили: если бы с того света кто-то возвращался.

— Ну были же случаи. И про туннели сколько разговоров

ходило, разве не слышал? — ядовито улыбаясь, солдатик заглянул Лёхе в лицо.

— Слышал, — отмахнулся Лысый. — Да толку? Если б я ещё в них верил.

— Ну иди, — разрешил солдат. — С Богом!

— А защищаться от тёмных сущностей как?

— Молитвой, — с улыбкой развёл руки солдатик.

— А если я не знаю? — вскинул брови Лёха.

Солдатик доверительным шёпотом стал учить Алексея.

— Запомнил? Силу аккумулируй, в голову их не впускай.

Почувствуешь тревогу или страх — читай. Она для того молитва и создана, чтобы от зла защищать.

По сигналу, поданному офицером, Лёха вошёл в туннель, выглядевший как горная пещера. Влажные сумерки подействовали на него благотворно, хотя и медленно. Он петлял по слабо освещённому каменному коридору, совсем не похожему на тот по которому он пришёл в Небожинск.

На перекрёстке его обступила темнота — подкралась, как чёрная кошка: невидимая, неслышная. Чья-то тень проскользнула под ногами. Лёха от испуга шарахнулся, постоял, прижимаясь к стене, затем плюнул в сторону тени, прошептал молитву и пошёл в противоположную сторону. Однако не успел сделать даже пары шагов, как почувствовал, что его заполняет гнусная тоска. Понял, что ошибся, и, вернувшись к перекрёстку, пошёл прямо.

Вдруг перед ним вырос плотный туман, из которого вы-

шли женщина с семилетней девочкой.

— Ой, молодой человек, как хорошо, что вас встретили!
— протараторила женщина. — А то уж столько плутали. Лизочка, ты не устала? — обратилась она к девочке.

Та, размазывая на щеках грязь, помотала головой.

— Идёмте, я вас выведу, — хмуро проговорил Лёха. Его глаза стали подозрительными и острыми, губы сжались в тонкую полоску.

— А где мы? — удивлённо озиралась женщина. — Меня кстати Софией зовут.

— Лёха, — представился Лысый и, помолчав, добавил: — Вот там, где свет, — там люди.

Земной мир был совсем рядом — за туманом и горой. Лёхе казалось, что стоит только напрямч волю, найти выход, вскрыть его, как дверной замок при утерянном ключе, — и сразу ворвётся в привычную даль. Он упорно шёл по сумеркам, изредка глядя на женщину, словно подсматривал в чужие окна. Её глаза были похожими на лесные озёрца, в которых растворилась голубизна весеннего утра.

— Алексей! — тихо позвала София, едва поспевая за ним.
— Мы что, умерли?

— Угу, — мрачно выплюнул Лёха.

— Я так и поняла. Мы с Лизонькой ехали на дачу. И такой дождь начался, словно оловом всё залили Видимо, в поворот я и не вписалась, — глубоко вздохнула и через минуту прибавила: — Бедный муж

Свет ударил по глазам. Женщина с девочкой замерли, постояли немного, а, разглядев офицера, поздоровались.

— Сергийко, — позвал Алексей, — а провожатый где? — спросил про фигуру.

— Сам проводишь, — ответил офицер. Его лицо теперь было неузнаваемым: нос заострился, глаза смотрели цепко, а щётка волос на подбородке придавала облику бродячий налёт. — За изумрудными воротами — налево. На первый раз там встретит Елена Николаевна, покажет, где прибывших размещать, а дальше сам будешь водить.

— В смысле, мне ещё приходится? — мельком взглянув на Софию, спросил Алексей.

— Ещё! — офицер что-то записал в журнале.

— Слушай, а ты чего такой уставший? — склонившись над столом, шёпотом спросил Лёха.

— Да пока ты в туннеле был, эти гады нам обструкцию устроили.

— Чего устроили? — не понял Лёха.

— Напали! Партия новеньких прибыла — автобус перевернулся. Пока их из туннеля выводили, эти тут как тут.

— Все целы? — не зная, можно ли такую категорию применять к умершим, спросил Алексей.

— Одного попытались утащить, отбили. Так что, Лёха, давай, не задерживайся, помощь твоя нужна.

Алексей распрямил плечи и, махнув Софье, повёл их тропой. Остановившись на краю площадки перед спуском, Лёха

разглядел, что деревень несколько, а не одна, как он думал раньше. Они стояли почти вплотную друг к другу, разделённые кое-где речкой, рощей или раскинувшимся полем.

Спустившись с горы, он увидел изумрудные ворота. Как и говорил первый офицер, они были сделаны из драгоценного камня. И хотя они не дышали, как стеклянные, но и в их глубине происходил какой-то мистический процесс. Камень, пропуская свет, преломлял его в иные цвета, скручивал в причудливые узоры. Лёха поднял глаза и увидел в глубине камня множество павлиньих перьев, которые в следующую секунду превратились в ярко-розовые цветы султана.

Не отрываясь Софья смотрела на ворота. Взяв дочь за руку, вошла в них и глубоко вздохнула, словно воздух её наполнил.

Долго она шла молча, погружённая в мысли. Вдоль тропы раскинулось поле, по высокой траве волнами гулял ветерок. Заливисто пели птахи — хотя их самих не было видно. И всё здесь было так похоже на родную землю.

Обширная деревенька раскинулась под горою: в тенистом лозняке протекала мелкая речка, домики стояли нарядные, расписные — словно пряники. Кругом было полно цветов, на деревьях росли фрукты — почти как на земле, но всё же другие: ровной формы, яркие, как самоцветы.

— Какая красота! — всплеснула руками Софья. — А мы смерти боялись

Алексей молчал. Его томила одновременно и тоска, и ра-

дость плескалась и грусть. Офицер сказал, что Лёха нужен, что может быть полезным. За всю жизнь он не испытывал этого. Всё жалел себя, всё откладывал на «потом», думая, что настанет ещё случай для жизни.

По тропе к ним навстречу шла уже знакомая Лёхе помощник следователя.

— Алексей, вакансию ферта заняли? Что же, очень хорошо.

Узнав имена новеньких, она повела их к дому, где у окон краснела рябина. Двор был маленьким, чистым — не трава, а ковёр стелился по участку. Обстановка в жилище оказалась скромной, но со всем необходимым: простая, без вычурности мебель и посуда.

— София, мы уже собрали ваш анамнез, — сказала Елена, располагаясь за столом. — Остались вопросы, сейчас их обсудим, и, думаю, уже завтра по земному исчислению подадим документы в суд.

София села на диван, прижимая Лизу. Она выглядела теперь уставшей и испуганной.

— Малышка, хочешь поиграть на улице? — предложила Елена, — Алексей, отведите девочку. Ах да, вы же не знаете, — и она объяснила маршрут.

Лёха провёл девочку вдоль линии пряничных домов, к площадке, где на каруселях катались дети.

«Почему они говорят, что это иллюзия?» — подумал Лысый, садясь на качели. «Здесь всё, как на земле» Глядя вслед

убегающей к ребятам Лизе, он вдруг подумал о том, что она никогда не повзрослеет.

Оттолкнувшись, Лёха раскачал качели. Пяткой скребнул по траве — на ней остался белый след. Он остановился, присел на корточки и ногтём поддел дёрн. Под ним оказалась ровная поверхность — не земля, а слюда. Смущение промелькнуло в голове Лёхи. Хмурясь, он подошёл к дереву, потрогал листву. Смятый лист испачкал ладонь зелёным соком. «Не искусственный!» — успокоился Лысый.

Вдоль дороги, ведущей в город, среди клубящихся валов загорались на столбах молочные шары. Воздух, если таковой здесь был, стремительно темнел. Лёха вновь сел на качели, вяло склонившись. Он чувствовал себя так, будто был пустой бутылкой — без единого переживания и мысли. Тяжёлая усталость навалилась на веки, и он закрыл глаза.

Из-за горки по тропе шёл старичок — с седой бородой, клинышком ложившейся на грудь, с лучистыми и тёплыми глазами. В руках он нёс плетёную из ивовых веток корзинку, полнехонько наполненную земляникой. Озирал поля, пел молитву, шёл плавной поступью — да вдруг зацепился за корягу, упал и рассыпал ягоду.

Лёха, которому так и не удалось заснуть, вскочил и бросился к старичку на помощь. Тот сел на землю — если привычными словами называть — и заплакал. Лёха ползал по траве, измазал колени в зелёном соке, собирал рассыпанные ягоды. А в голове, словно пчелиный рой поселился: «Кто же

не давал тебе жизнь прожить такую, чтобы в ней место было и для поступков, и для мирных ощущений?» Аж зажмурился Лёха — так грустно ему стало.

— Держи, дедунь, — протянул корзинку старику.

Тот улыбнулся, закивал головой и побежал через поле — не пошёл, а побежал, будто было ему лет двадцать.

Со двора дома вышла Елена, держа папку под мышкой.

— Алексей! — помахала рукой. — Лиза играет?

— Играет, — Лёха подошёл к помощнице следователя. —

Скажите, а где Антон?

— Там, где и положено быть: в комендатуре. Дело оттягивать не будут, суд в ближайшее время.

— Нелепо вышло. Парень хороший, я сам драку завязал, — переминаясь с ноги на ногу, сказал Лёха.

— Да вы не беспокойтесь. Божий суд не человеческий, все будет по справедливости.

— А если я прошение к присяжным напишу, его рассмотрят?

— Напишите! — тепло улыбнулась Елена. — Не знаю, поможет ли, но лишним точно не будет.

Повеселев, Лёха развёл руки в стороны, потянулся:

— Эх, хорошо! — и вдруг спросил: — Давно вы здесь?

— Смотря каким временем исчислять, — она многозначительно улыбнулась.

— А почему помощником следователя назначили?

— Потому что и при жизни им была. Я погибла при ис-

полнении служебного долга. — На губах её блуждала рассеянная улыбка. Вся как кукушонок покинутый стала. — Не должна была там быть, а ослушалась

— А семья? — тихо спросил Лёха.

— Не успела.

— Вот и я не создал, — Лёха вздохнул. — Теперь жалею.

— Я любила человека, — продолжила Елена, не отрывая взгляда от детей, играющих в «пятнашки». — И он меня полюбил, замуж звал, а я откладывала. Работа, дела, срочные вызовы Всегда думалось, что время ещё есть. То, что на земле представлялось важным, оказывается для вечности не имеет никакого значения.

— А дело Софии и Лизы, когда будут разбирать?

— Думаю, к похоронам успеем.

— К каким похоронам? — Лёха глядел поверх плеча Елены на осиновый пенёк унылым глазом, глядящим на него.

— К их. Мы стараемся в понятных ситуациях побыстрее отдать делопроизводство в суд.

— А как же все те люди, что живут здесь? — Алексей широким жестом указал сначала на город, затем на деревни.

— Не живут, — усмехнулась Елена. — Новички проходят транзитом. А по большей части здесь находятся сотрудники Канцелярии.

От города к деревням и обратно по полям плыли фигуры в кофейном тумане. Они прикидывались людьми в крошечной тиши: кто-то садился на пенёк, сливаясь с ним воедино

— не разобрать, тень это, пень или хвостатое существо; кто-то застывал у лесочка, словно кактус; а кто-то, подобно гадуке, скользил между кустарников и деревьев.

— Разве у Канцелярии настолько много дел, что нужно такое количество работников?

— Предостаточно! — Елена принялась перечислять, загибая пальцы: — Департамент просьб и помилований, Надзор за выполнением обещаний, Отдел учёта добрых дел и десятки других.

— И это всё работа с людьми? — перебивал собеседницу Лёха.

— Конечно! У каждого своя судьба, своё предназначение. Попробуй оставить людей без надзора — хаос начнётся. Да разве вы, Алексей, на протяжении жизни не уповали хоть на какое-нибудь чудо?

— Так что же, получается, меня слышали? И даже, может, помогали? — Лёха вдруг сильно на себя разозлился: — Почему же я всегда чувствовал себя несчастным?!

Наскоро распрощавшись, Алексей пошёл к туннелю, где его ждал Сергейко.

Глава 4

Уронив голову на руки, Сергийко сидел за столом и плакал навзрыд.

— Эй, ты чего? — Лёха потрогал офицера за плечо.

Тот поднял голову, посмотрел на Лысого слепыми глазами.

— У кого в сердце щель, тот не плачет, она ему ночами храпеть мешает, — монотонно пробормотал офицер.

— Погоди маленько, сейчас придёт в себя, — сказал знакомый Алексею солдатик.

— А что с ним? — Лёха поскрёб пятерней затылок.

— Ты думаешь, мы тут развлекаемся? — вопросом на вопрос ответил солдатик и наконец представился: — Максимиан. От сущностей пощады ждать не приходится. Заговорил, — ткнул подбородком в офицера, — вот и роются в его голове, вынюхивают слабости.

Внезапно офицер перестал рыдать. Мгновение спустя водил осознанным взглядом по местности, тёр лоб и мочки ушей. Затем вскочил из-за стола и, подойдя к бьющему из камней водопадику, умылся. Вода, стекавшая с его лица, была грязной.

— Наш А-17, Тропа Спокойствия — самый мирный туннель, — сказал Максимиан. — Когда новопреставленные идут по нему, они слышат колыбельную. А стены там отра-

жают их самые добрые воспоминания. Рядом находится С-3, а чуть подальше — А-19.

— И что это значит? — Лёха скрестил руки на груди и присел на корточки. В этот миг ему сильно хотелось закурить, даже губами причмокнул.

— Из С-3 выходят самоубийцы и богоотступники. Между собой мы называем её Бездна отчаяния — один из самых страшных туннелей. Там и ответвлений много, и соединения с чёрными секторами есть.

— Типа как ад? — склонил голову Лёха вбок.

— Типа филиал ада, — поглядывая на Сергийко, продолжил солдатик. — Если не успеть перехватить новопреставленных, они уйдут в Долину Вечного Сумрака, где их будут мучать бесы.

— Так кто их перехватывает? — нахмурился Лёха.

— Ферты, сотрудники Канцелярии. Мы — те, кто когда-то прошёл через туннели и теперь помогает другим. Наша задача — вывести души из туннеля и провести их к месту временной дислокации: в деревню, казарму, Канцелярию или просто в город — это уж как начальство определит.

— А провожатые?

— Они как стрелки на дороге; ведут души, но не могут их спасти. Если душа подвергнется нападению, провожатый просто идёт дальше, а новопреставленный остается в ловушке. Ферты же могут вмешаться: вырвать из морока. А там, — кивнул на деревню, — находится Суд первой инстанции. По-

что что человеческий, где присяжные дела разбирают. Кстати, случается, что в качестве свидетелей живых людей вызывают.

— Почему они об этом не помнят?

— Думаешь, так сложно стереть из памяти? — Максимян, посмеиваясь, качал головой. — Ну, брат, недооцениваешь небесные возможности. Иные, может, и помнят, только как сон воспринимают.

— Хорошо, хорошо, — согласился Лёха. — А-19 тоже мирный туннель?

— Да, это Дорога воспоминаний. Но соседство с проклятым туннелем даёт о себе знать. Тёмные сущности как паразиты: питаются сомнениями и страхами. Чем больше душа сомневается, тем легче её увести с пути.

— Если ты говоришь, что С-3 самый сложный переход, то почему же пост здесь, а не возле него?

— Ошибаешься, брат. У каждого туннеля блокпост размещён. У нас, правда, обзор самый лучший. Где какая морда появится — сразу уничтожению подлежит.

Издали Лёха рассмотрел гору с многочисленными площадками, размещавшихся на выступах на разной высоте. На камнях росли деревья со странным металлическим блеском. Вокруг входа в туннель А-17 трава была притоптанной, кустарники со сломанными ветвями, а между ними краснели уцелевший перец и острогон.

— Всё же не могу понять: зачем им души? Разве не живые

их больше интересуют?

— Пакостят помаленьку, — ответил Максимиан.

— Не совсем так, — поправил его офицер. Сергейко пришёл в себя, на скулах его лежал румянец, глаза смотрели цепко. — Экстрасенсы и колдуны на земле с такими душами общаются чаще. А бесы их как оружие используют.

— Колдуны? — с недоверием воскликнул Лёха.

— Ну а то никогда про таких не слышал? Всякие там порчи снять, сглаз надеть, — неловко пошутил офицер. — **Бесы, словно психологи, искушают людей тем, к чему они наиболее падки, работая с каждым индивидуально.** Кого-то соблазняют жадой славы, кого-то плотскими наслаждениями и так далее. Их цель — посеять сомнение: оно ослабляет душу и делает связь с вечным миром уязвимой. **Они не столько губят, сколько подменяют правду иллюзиями, надежду отчаянием. Потому и маскируются под тех, кто кажется слабым или нуждающимся в помощи.**

— Но зачем? — нахмурился Лёха.

— Власть, брат. Чем больше душ поддастся их влиянию, тем сильнее они становятся. **Бесы питаются энергией сомнений, страхов, сожалений — вот и выискивают тех, кто колеблется на границе между светом и тьмой.**

Офицер тяжело закашлялся, потом махнул рукой:

— Успеешь ещё понять Иди, новеньких встречать надо.

И Лёха пошёл. Густой туман заполнил всё пространство туннеля. Под потолком висело матовое облако, излучающее слабый, похожий на лунный свет. Миновал первое ответвление, второе, вот уж и сворачивать пора. Но сколько ни глядел сквозь туман, не видел никакого отверстия. Кругом стояла невероятная тишина. Она давила на уши и в голове что-то тоненько зазвонило. Лёха разглядел под своими ногами пузатенькие существа; они верещали и шипели, совсем как змеи. И смеялись, смеялись детскими голосами. Не выдержав, Лысый заткнул уши.

Тут кто-то дёрнул его за полу куртки. Лёха глянул вниз, а там ребёнок стоит. Тулупчиком плечи закрывает, но всё равно от холода трясётся. Огляделся Лысый по сторонам — нет никого, только он с мальчонкой стоит. «Испугались, проклятые! А и не сложно вас, оказывается, побороть» — радостно подумал Лёха.

— Пойдём, — он протянул ладонь мальчику.

Тот, ни слова не говоря, за руку взялся, но с места не сдвинулся, а наоборот, стал Леху в сторону тянуть.

— Нет-нет, малыш, нам туда. Чуть пройдем и свет увидим, — улыбнулся Лысый.

Но мальчонка — и откуда только в худом тельце взялась такая силища? — рывком потянул Леху на себя. Не удержался Лысый, упал. И только тогда, поймав взгляд мальчишки, заорал от ужаса. Лунным глазом смотрел на него ребёнок, его зрачок отливал мертвенным светом.

— Не слушай, что дуралеи говорили, — мужским голосом сказал мальчик. — Ничуть у нас не страшно. Да и не губим мы никого, враньё! Спасаем от несправедливости. Потому и создали место такое, где ничуть не хуже, чем здесь, а может, даже и лучше. И дома у нас такие же, и природа. А тем, кто спорно подлежит наказанию, даём возможность вернуться в жизнь, чтобы исправить ошибки.

«Не говори с ним и не слушай его», — твердил про себя Лёха.

— Разве Антон виноват, что так получилось? За что же вечно ему гореть в аду? — спросил мальчик, опускаясь на землю.

Сел, скрестив ноги по-турецки, тулупчик на груди запахнул. Взглянул Лёха в его лазоревые глаза и подумал, что ему в первый миг показалось: свет так отражался в зрачках мальчишки, что он принял их за лунные.

— Что с ним стало? — с трудом разлепил пересохшие губы.

— Да ничего, — мальчишка пожал плечами. — К матери вернули. Его скорая в центральную больницу увезла. Откачали врачи, лежит в палате и плачет по тебе, что убил нечаянно. А всё, что здесь видел, воспринимает как сон. Но и его скоро забудет.

— Правда? — чуть улыбнулся Лёха.

— Ну конечно! Музыкант он хороший, жаль ты не слышал, как играет. Ему ведь суждено гениальную музыку на-

писать, такую, чтобы в веках осталась. Только нелепость эта возле магазина, — мальчик улыбнулся и провёл рукой по своим светлым, с завитушками на лбу волосам, — всё его предназначение бы сгубило.

«А почему это его вернули, а не меня?» — промелькнула вдруг в Лёхиной голове раздражающая мысль. «Всё же жертва я, а он — убийца».

— Мы и тебя хотим вернуть, даже память стирать не будем. Мать закодируешь, сколько можно ей страдать по предателю? — мальчик перехватил мятущийся взгляд Алексея. — Да-да, это ты всегда отца жалел, прямым словом определить не мог, а мне чего? Я человек посторонний. Просто вижу, что ты смыслённый малый, боец, каких ещё поискать. Встретишься с отцом, выскажи ему всё, что думаешь, и начни жизнь заново. Женись, детей роди. А вернёшься сюда в другой раз, окончательный, не будешь сожалеть о том, что упустил, — мальчик снова улыбнулся.

«А и вправду, — думал Лёха, — не самый ведь я худший человек на земле. Неужели любви не заслужил? Вернусь и всё исправлю».

Устав глядеть на ребёнка, Лёха закрыл глаза. Потом, что-то вспомнив, усмехнулся, потянул того за тулуп:

— А ты, собственно, кто такой?

— Разве офицер не сказал? Я живу в этом туннеле, уж не знаю сколько тысячелетий. Новобранцев встречаю. А когда ухожу отдыхать, на смену посылают таких, как ты. Только в

этот раз Сергийко попутал, видимо, когда с чёрными сущностями сражался, забыл о том, что с отдыха я вернулся, — мальчик ласково засмеялся, встал в полный рост и потянул Леху. — Отсюда пойдём, так ближе.

— Ты чего здесь делаешь? — прямой свет фонаря ударил Лысому в лицо.

Лёха зажмурился.

— Да вот, с мальчишкой болтаю, — ткнул пальцем себе за спину.

Максимиан поводил лучом света, но туннель был пуст. В воздухе витала едва уловимая гниlostная сладость.

— Всё ясно, пошли, — вздохнул Максимиан. — А то уж дедок, которого ты должен был встретить, сам вышел. Как не заблудился, непонятно. Сергийко сразу за тобой послал.

— А где мальчишка? — вращал головой в разные стороны Лёха. — Станный такой, сильный. Хотя что с мёртвых взять? Все мы — странные.

— Да бесы это были, мы же рассказывали, чего повёлся? — Максимиан помог Лёхе подняться.

Медленно шли сквозь туман, практически наощупь пробирались. Максимиан насвистывал бравурный марш, Лёха же был растерян. Как мог дать себя обвести вокруг пальца, ведь почувствовал в мальчишке пугающее. Вдруг в голове его зазвучал знакомый голос: «Мы — тьма, шагающая по земле. Когда мы идём, трава гибнет, деревья рассыпаются в труху, а камни покрываются росой. Всё нас боится, всё скло-

няется перед нашим могуществом. Следуй за нами — и получишь невиданную власть».

Звучание обволакивало сознание, словно туман. Лёха почувствовал, как в нём зарождается желание поддаться. Он рывком догнал Максимиана и, чтобы заглушить наваждение, спросил:

— А мне можно каску? — указал глазами на голову спутника.

— Ага. У старшего надо спросить, на складе, кажется, ещё оставались.

Лёха не знал, из чего был сделан головной убор, но сверху он был обшит маскировочной тканью, как и вся форма.

— Голову защищает, да? — снова спросил Лысый, боясь остаться в тишине.

— Поздно нам что-либо защищать, — усмехнулся Максимиан. — Когда в засаде сидим, нас и не разглядишь. А вот когда крепче в вере станешь — она ещё и от тёмных фантазий уберёжёт. Сейчас, боюсь, для тебя эта штука бесполезная, но всё равно спроси у старшего.

Они вышли из тупика и пошли по прямому маршруту. Вдруг Максимиан остановился, высматривая кого-то в темноте. У стены, на корточках, сидел мальчик. Уткнув голову в колени, он тихо плакал. Непроизвольно Лёха спрятался за спину солдата.

— Здорово, богатырь! — ласково сказал Максимиан и, нагнувшись, потрогал ребёнка за плечо.

— Я к маме хочу, — вытирая слёзы, сказал малыш. — Я шёл-шёл и заблудился.

Лёха искал в его лице сходство с первым, который, как знал теперь, был не настоящим. Этот ребёнок выглядел иначе: его глаза были обычными, полными слёз и страха.

— Мама обязательно придёт, но чуть позже. А знаешь ли ты, куда попал? В сказочную страну.

— Сказочную? — забыл о слезах мальчишка.

— Да! Пойдём, я тебе покажу.

— Мама не разрешает идти с незнакомцами, — вопреки словам, мальчик встал.

— Твоя мама очень мудрая женщина! Максимиан, — протянул малышу руку.

— Андрюша.

— Теперь мы знакомцы. Пойдём, у нас есть замечательная площадка, там много детей.

— А дракон у вас есть? — взяв за руку Максимиана, спросил мальчик.

— Дракон? — оглянувшись на Лёху, взглядом попросил поддержки.

— У нас есть фигуры в балахонах. Они умеют летать по воздуху, — быстро сообразил Лёха.

— Они страшные? — сделав удивлённые глаза, спросил мальчишка.

— Нисколечко. Только они не умеют разговаривать, потому что некому их учить.

— Я научу! — повеселевшим голосом воскликнул малыш.

Свет ударил по глазам. Лёха уже привычно зажмурился, досчитал до десяти, а когда открыл — увидел хмурый взгляд Сергейко.

— Пообщался с теми, — отрапортовал Максимиан.

— Ясно, — коротко бросил офицер. — Давай так, пацана отведи. Возле площадки есть длинный такой, разукрашенный дом, видел?

— Ну, — Лёха неопределённо пожал плечами.

Глава 5

Расщелина горы, поросшая мхом с обеих сторон, светилась янтарным светом — словно в глубине её тлел огонь. У подножия рос галерейный лес: карликовые деревья с причудливо изогнутыми ветвями, густая трава почти по пояс. Над тёмным озером клубился белёсый пар.

Через поле, по ясной дороге, в окружении фигур в балахонах, шёл могучего телосложения мужчина.

Иван шагал бодро, размахивая руками. Широкий в плечах и груди, с сильными натруженными руками и толстой шеей, на которой, казалось, неестественно держалась небольшая голова. Последние недели он беспробудно пил — оттого и глядел вокруг весёлыми глазами, воспринимая происходящее как хмельной угар. Он был мужиком в самом соку — не стар и не молод. Волосы мягкие, играющие, русого цвета. Лицо хоть и широкое, но во взгляде — победа. Немало от такого взгляда дрогнуло женских сердец.

— Весело у вас! — разминая плечи, обратился к фигурам. Те молча парили, пряча пустоту под капюшонами.

Иван оглядел окрестности: расписную деревушку с яркими домиками; здание, напоминающее старинный замок; лес, отделяющий город от деревни. И взобрался на пригорок. Густели сумерки, одолевала ночь.

На пригорке сидел солдат. Глаза у него провалились

вовнутрь и такие были, будто видел ими страшное. За спиной болтался рюкзак, а на голове — чёрная вязаная шапочка, которую все ниже натягивал, будто сам в неё залезть хотел.

— Ты чего? — спросил Иван таким тоном, будто не просто знал солдата, а был с ним в дружбе.

— Любуюсь, — тихо ответил тот и потёр грязными руками веки.

— Чего не спишь? — оглянувшись на фигуры, Иван подмигнул и приложил палец к губам.

— Да разве ж тут спать можно? — удивлённо присвистнул солдат.

— А разве нельзя? — пришла очередь удивиться Ивану.

— Нельзя. Только когда напиток дают, на кисель похожий, — местное снотворное. А сам ни за что не заснешь.

— А чего не выпил?

— Подумать хотелось, повспоминать, — солдат вздохнул.

Иван нашёл гладкий камень, подтащил к солдату и сел рядом. Фигуры в балахонах, выражая недовольство, заколыхались и издали звук похожий на шипение.

— Ну ладно вам! — прикрикнул, ничуть не испугавшись Иван и пояснил солдату. — Мне работу в Канцелярии предложили, иду вот устраиваться. — И бросив через плечо взгляд на фигуры, добавил: — Хотят припахать, наверняка даже платить не будут. Так пусть не неволят.

Провожатые чуть поколебались и замерли.

— Хорошо тут, — Иван оглядел открывающийся с при-

горка вид. — Поля, речка, а там, — он указал рукой в сторону гор, — такую пещеру красивую видал. Медовый свет излучает.

— Я слышал про неё, но никогда не видел, — солдат протянув руку, представился: — Федя.

— Ну, здравствуй, Федя, съел медведя! — рассмеялся Иван над собственной шуткой.

Солдат изобразил на измученном лице улыбку.

— Слушай, там офицерик за столом сидел. Так он сказал, что я помер, баламут.

— Это не шутка. Мы действительно умерли.

— Ух ты! Так вот какой — тот свет! — с жаром воскликнул Иван и провёл пятернёй по волосам. — Здесь очень даже клёво. Я раньше думал, что максимум в гробу буду лежать да на доски глазами блымять, а тут такое приключение! Ну, это я так, шутейно воображал — никто же не знал, как на самом деле.

— А я никак не представлял, хотя умереть готов был в любое время, — Фёдор указал на свою форму. — На войне все морально подготовлены, но никто не хочет.

— Оно и понятно, — протянул Иван, сорвав травинку и прикусив её. — А ты прям там умер, да?

В ответ Фёдор лишь вздохнул.

— Как герой, значит, — с уважением в голосе произнёс Иван.

— Да какой там, — усмехнулся Фёдор.

— Ну ладно, не фордыбачь! Если пошёл на войну, значит — смелый. А я, кажется, от этого, — Иван щелкнул себя по горлу пальцем, — в этот раз в долгий запой ушёл.

— А чего так?

— Жизнь надоела. Вроде и старался, как ишак пахал, а жена мозг выносила. Красивая она у меня была, — поправил сам себя.

— А у меня супруга беременная осталась, — вздохнул Фёдор.

— Так вот чего ты расклеился.

— Светка добрая, ласковая, ей тяжело будет. Мы оба — детдомовские, сошлись после выпуска. А в школе друг друга и не замечали. Уже как в институт поступил, гостем поехал к директорисе, хотел, чтобы порадовалась, погордилась. А туда раз — и Светка приехала. Так и началось

— Не кисни, брат! Теперь уж ничего не попишешь.

— А вышел из туннеля — никого. Подумал, что заплутал, от своих отбился. Но всё же природа не такая, как на земле, — Фёдор кивнул куда-то в сторону. — Иду мимо деревенских домов, там стоят, видал?! Прошёл через лесок, думал отряд догоню. Перешёл поле — ширь кругом — Солдат снял шапку, подставляя стриженую голову вечерней прохладе. Его охватила дрожь, зазнобило. Он вдохнул и снова стал глядеть вперёд, будто пытался что-то высмотреть.

— А я думал, ты здесь давно. Тоже только сегодня пришёл?

— Нету здесь «сегодня», и «завтра» тоже нет, — поправил Фёдор. — Но ты прав, я на этом свете какое-то время. Тянет сюда на горочку Чего там, как в камере сидеть: ни воздуха, ни света.

— А он нам нужен?

— Кто?

— Ну воздух, свет?

— Бог его знает, по привычке сказал.

— А чего на этом уровне задержался? Мне сказали, что нас потом по этапу отправят. Судить будут, да ещё не единожды, — потянулся Иван.

Фигуры всё так же молча покачивались в воздухе, чернотой под капюшонами глядя на говорящих.

Обширное поле лежало перед ними. Вдалеке, справа, виднелся сине-бурыми полосками лес; слева горы. За полями, да по склонам, лепились разноцветные домики, сбегали к речке, замирали у оврага, над которым завис туман, освещаемый белым, нетварным светом.

Долго Фёдор глядел на просторы, да вдруг нахлынули на него слезы, с собой не смог совладать. Иван, наклонившись, поискал что-то в траве, а найдя, отщипнул листочек.

— Заешь слёзы, — сказал просто.

— Почему щавель? — удивился солдат.

— Не знаю, я всегда лимоном слёзы заедал. Кислота язык и губы сожжёт, кожаца слазит, так солью посыплешь — и не болит больше в груди. Обманка такая. А ты чего плачешь?

— Себя жалко. И Светку. Что могли быть счастливы, что без меня ребёнок родится.

— А ты уверен, что она тебя любит?

Фёдор посмотрел на Ивана своими болотного цвета глазами, поджал пухлые губы и как-то неестественно выгнул шею.

— Ты что же, в своей жене сомневаешься?

— Нет, — Иван вдруг расхохотался. — Чего в ней сомневаться, когда я её с любовником в постели застукал? Прямо как в анекдоте получилось: приехал муж из командировки — зазвенел смехом Иван по округе.

Фигуры на звук его голоса будто очнулись, заколыхались и подплыли ближе.

— Пойдём, Федя, проводишь в Канцелярию? — попросил Иван. — А то эти, — он указал на фигуры, — вишь, как нервничают. Может, они исподтишка молний нашьют — немые, не говорят ведь ничего.

Фёдор улыбнулся и поднялся с земли.

— Ты, брат, не переживай! — Иван приобнял его за плечи. — Светка сюда рано или поздно придёт.

Фёдор взглянул на него повеселевшими глазами.

— Так и правда Мы же венчанные!

— Эх ты, голова два уха! — щёлкнул Фёдора по носу. — Надо её дождаться, а ещё лучше — послать весточку. Чтобы не дай боже, с собой ничего не сделала.

— Ну как же, да это невозможно. Светка сильная, выдержит.

— Баба в горе всё может, — многозначительно заключил Иван.

Они спустились с пригорка и медленным шагом, с двух сторон окружённые фигурами, направились к городу. Он казался зловещим — без привычных живому человеческому глазу электрических огоньков. Силуэты домов и зданий выплывали перед ними один за другим, словно призраки.

— Мне вот работу в Канцелярии предложили, — повторил Иван. — Не знаю, правда, за заслуги или, напротив. Может, и тебе устроиться? Так и задержишься на этом уровне; а там и на Страшный Суд вместе отправитесь.

— Мысль! — воскликнул Фёдор. — Что-то разнюнился я, аж стыдно.

— Ничего постыдного. Любой, кто любит, переживал бы, — изрёк философскую мысль Иван и тут же спросил: — Слушай, а петь здесь можно? А то я ж без песни подохну! — и вспомнив, заливисто захохотал. А через минуту, откинув руку в сторону фальшиво, но музыкально запел:

Ой, ты, степь широкая,

Степь раздольная,

Широко ты, матушка,

Протянулася

Фёдор шёл в ногу с Иваном, распрямил плечи — и подхватил:

Ой, да не степной орёл

Подымается

Иван обернулся, посмотрел на фигуры и крикнул:
— Чего молчите? Подпевайте!

И снова безудержно захохотал.

Лёха открыл глаза. В коридоре крепкий завязался узел спора. Исходили от узла витиеватые корешки, шли в разные стороны, в глубь событий и в людей. Он прислушался: низкий, напористый мужской голос спорил с тонким женским.

«Кажется, Елена», — узнал Лёха.

Он потёр руками лицо, задумался. Вроде спал, а сна не было. И состояния сна не было. Всё на этом свете не так, как на земле, не так просто покой даётся. Вечером, а сутки здесь тоже условные, хотя и есть сумерки, а без звездного неба и ночь не ночь, дали выпить розовой жидкости, тягучей как кисель. После этого в сон потянуло. Но потребности в еде уже нет, да и эмоции не те, что раньше. Лёха рассматривал себя и даже показалось, что стал тоньше.

— Дед Егор, ты на месте? — спросил вслух.

За стеной молчали. Лёха ещё несколько раз позвал, потом подумал, что, может, дедуня спит крепко, и сел на стул. Немигающим взглядом уставился в стену.

Как будто получилось — на доли секунды он пробился взглядом в комнату, но не выдержал и вернулся. Ещё и ещё предпринимал попытки Лёха, пока наконец не смог рассмотреть комнату через преграду.

Жилище деда Егора было точь-в-точь, как у него, только стены зелёные. Кровать была пуста, застеленная одеялом из грубой ткани, подоткнутым под матрац — ровненько, как по линейке.

«Или отлучился по делам, или увели деда дальше», — с сожалением подумал Лёха.

— Милая девушка, если я вам так нужен в качестве работника, пойдите на мои условия, — гремел в коридоре мужской голос.

— Я вам не девушка, а помощник следователя!

— Уважаемый помощник следователя, скажите: разве Канцелярия не ценит своих сотрудников, пусть даже и будущих? Упорством вы создаёте неблагоприятную обстановку. Нам что же, в трудовую инспекцию жаловаться?

Не в силах сдерживать любопытство, Лёха вышел из комнаты.

— О, мужик! Четвёртым будешь? — обратился к нему Иван.

Елена спорила с двумя мужчинами. Вернее, второй — невысокий, в черной шапочке молчал, глотку драл грузный, здорового телосложения мужик.

— Здравствуйте, Елена Николаевна! — поздоровался Лёха. — А где дед Егор, не знаете?

— Уже в зале суда, — она машинально взглянула на своё запястье.

«По привычке на часы смотрит», — отметил Лёха.

— Иван, — протянул ему руку для пожатия светловолосый. Затем, вновь обернувшись к Елене, продолжил спор: — Кому будет хуже, если Фёдор станет мне помогать?

— Никому, — слабо защищалась Елена Николаевна. — Но насчёт него не было указаний.

— Ну вы же здесь власть! Разве не можете уговорить своё начальство?

Краем глаза Лёха заметил, как фигуры в конце коридора замерли, прислушиваясь к разговору.

— О чём спор? — поинтересовался Лысый.

— Да вот, меня хотят сделать сотрудником Канцелярии. Я не против, всегда пожалуйста! Но прошу помощником сде

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.